

Снаружи что-то стряслось. Толпа зевак с шумом повалила на улицу, желая поглазеть на зрелище. Услышав доносившийся с улицы гомон, Е Шуанчэн — который по своей природе просто физически не мог пропустить ни одной заварухи — тут же поставил чарку и поспешил вслед за остальными.

На улице, сотрясаясь от злости, кричал молодой барчук в роскошных шелках. Ткнув пальцем в сидящую на земле девушку, он брызгал слюной:

— Да то, что я на тебя позарился, — великая милость! Тоже мне, нашла место беречь девичью честь — в борделе! Смех один! Цену себе не набивай!

С этими словами он грубо вцепился ей в запястье. Девушка попыталась вырваться, слышались крики, и мгновение спустя звонкая пощёчина опрокинула её обратно на землю.

Толпу зевак составляли в основном такие же праздные сынки богатеев, пришедшие в весёлый терем за плотскими утехами. Кому-то это зрелище и претило, но, глядя на дорогой наряд обидчика, вмешаться никто не спешил — связываться с влиятельным господином себе дороже.

Но Шуанчэн был слеплен из другого теста. Хмель ударил в голову, придав решимости, и он, бесцеремонно растолкав зевак, шагнул вперёд. В заведениях вроде этого не все девицы торговали телом — встречались и те, кто услаждал слух игрой на лютне, не допуская лишних вольностей. Да и терпеть не мог он, когда сильные помыкали слабыми. Прежде чем барчук успел сообразить, в чём дело, тот мёртвой хваткой вцепился ему в запястье и резким, выверенным движением швырнул подлеца на землю.

Шелкопряд оказался ровесником Шуанчэна, но хилым и изнеженным. От такого броска он загремел на мостовую, болезненно приложившись спиной. В глазах у него заплескали искры, а из груди вырвался жалобный стон.

Опозоренный на глазах у честной публики, щёголь взвился от ярости. Позабыв о приличиях, он с кулаками ринулся на Шуанчэна.

Шуанчэн, пускай и не был мастером боевых искусств, кулаками махать умел — в родном Биньчжоу он затевал драки едва ли не каждый день. Сноровки ему было не занимать. Увернувшись от неловкого выпада, он перехватил руку нападавшего, заломил её за спину и со всей силы пнул того под колено.

Раздался истошный вопль, и спесивый барчук послушно рухнул на колени, прижатый к грязным камням.

— Отпусти, тварь! Ты хоть знаешь, кто я такой?! Да как ты посмел руку на меня поднять! Жить надоело?!

Шуанчэн демонстративно поковырял в ухе, кривясь от этого визга. Решив утихомирить крикуна, он сильнее надавил коленом ему на поясницу. По заулку тут же разнёсся залиvistый, истошный вой.

Шуанчэн не собирался тратить время на пустую болтовню. Он лишь кивнул на девушку, которую сердобольные прохожие уже успели поднять на ноги.

— Не выношу, когда всякая шваль обижает слабых, — лениво процедил он. — Я сегодня гулять вышел, на душе так хорошо было, а ты мне весь вечер испоганил. Ну и как ты собираешься вину заглаживать, чтобы поднять мне настроение?

— Да плевать мне на твоё настроение! — прохрипел пленник, пытаясь вырваться. — Кого хочу, того и бью! Какое тебе дело, выродку, до чужих разборок?! Чего ты лезешь не в своё дело?!

Шуанчэн лишь усмехнулся и пару раз хорошенько припечатал его лицом в дорожную пыль. Спеси у барчука заметно поубавилось. Сквозь сопли и слёзы он принялся истошно завывать, вымаливая у испуганной девушки прощение.

Только тогда Шуанчэн брезгливо отряхнул ладони и убрал ногу.

— Ну вот, совсем другое дело, — удовлетворённо кивнул он. — И зачем было доводить до греха? Сразу бы так.

Униженный щёголь кособоко поднялся с земли. Понимая, что в драке ему ловить нечего, он отковылял на безопасное расстояние и злобно выкрикнул:

— Не смей уходить, слышишь?! Я сейчас вернусь со своими людьми и живьём с тебя шкуру спущу!

Шуанчэн лишь лениво вскинул бровь и сделал вид, что замахивается. Угрожавший тут же побледнел как полотно и, сверкая пятками, скрылся в ближайшем переулке.

Не успел Шуанчэн сполна насладиться ролью благородного заступника, как в толпе началось какое-то шевеление. Скользнув взглядом по лицам зевак, он похолодел: навстречу ему неспешным, размеренным шагом шёл Е Чжэнь. Рядом с ним о чём-то беседовал незнакомый, утончённого вида господин.

Сердце у Шуанчэна ушло в пятки, хмель как рукой сняло. Прикрыв лицо широким рукавом, он попытался незаметно смешаться с толпой и дать дёру, пока его не заметили.

Но стоило ему сделать шаг, как за спиной раздался ровный, леденящий душу голос:

— Шуанчэн.

Ноги парня подкосились. Словно перепуганная мартышка, он рванул с места, ворвался в отдельный кабинет, растолкал спящего мертвецким сном Цю Мина и, вцепившись в его воротник, ураганом полетел прочь из весёлого квартала.

Цю Мин, бывший мертвецки пьяным, безвольно семенил следом, ничего не понимая. Лишь когда в лицо ударил прохладный ночной ветер, он немного пришёл в себя:

— Молодой господин... Второй молодой господин... Куда мы так несёмся?!

— Рот закрой! — тяжело дыша, процедил сквозь зубы Шуанчэн. — Хватай шмотки, мы бежим из города!

Тем временем Е Чжэнь, простившись с Его Высочеством Наследным принцем Ли Цзэханем, с ледяным выражением на лице оседлал коня и направился в сторону поместья Е.

Едва он переступил порог, как навстречу ему выбежал взволнованный слуга:

— Господин Глава кабинета, слава богам, вы вернулись! Второй молодой господин у себя в Восточном дворе буянит, кричит, что уезжает!

Е Чжэнь нахмурился. Бросив хлыст подбежавшему конюху, он размашистым шагом направился к Восточному двору. Стоило ему миновать извилистую дорожку из тёмного камня, как перед глазами предстала картина: Шуанчэн с наспех собранным узелком за плечами безуспешно пытался прорваться сквозь живую стену слуг. Старый управляющий увивался рядом, заламывая руки:

— Молодой господин, умоляю, одумайтесь! Господин вот-вот вернётся, пощадите наши головы!

Но уговоры лишь подстегнули беглеца. Он с новой силой ринулся на прорыв, оглашая двор криками:

— А ну брысь отсюда! Прочь с дороги, кому говорю! Дайте пройти!

Во дворе царил суший бедлам, когда у ворот раздался ледяной, властный окрик:

— Не держите его. Пусть убирается.

Толпа мгновенно расступилась. В Восточный двор стремительно вошёл Е Чжэнь в сопровождении личной охраны.

От этого голоса Шуанчэн мелко задрожал.

«Управляющему бы на ярмарке судьбу предсказывать, слово в слово угадал, провидец чертов...»

Челядь испуганно замерла, поспешно склонив головы и освобождая дорогу своему господину.

Шуанчэн оказался в ловушке. Путь к отступлению был отрезан, идти вперёд он не смел. Он так и застыл на месте, растерянно прижимая к груди узелок. Что касается Цю Мина, то несчастный слуга при одном виде Е Чжэня рухнул на колени, содрогаясь всем телом.

— Брат... — пролепетал Шуанчэн, переводя дыхание. — Ты... ты почему так рано?

Он предательски пошатнулся. Он глядел на старшего брата широко распахнутыми, испуганными глазами, точь-в-точь как застигнутый врасплох оленёнок.

Е Чжэнь даже не удостоил его взглядом. Окинув холодным взором перепуганных слуг, он сухо скомандовал:

— Все вон. И закройте ворота снаружи.

Челядь безмолвно потянулась к выходу. Двое стражников подхватили под мышки оцепеневшего Цю Мина, собираясь увести его прочь.

— Молодой господин! Второй молодой господин, спасите! — жалобно закричал парень, пытаясь вырваться.

Шуанчэн и сам едва держался на ногах от страха, но всё же попытался вступить за слугу. Гордо вскинув подбородок, он крикнул:

— А ну отпустите его!

— Увести, — отрезал Е Чжэнь, даже не повернув головы.

Цю Мина поволокли по земле. Вскоре за воротами послышался тяжёлый скрежет засова, а следом — злобный щелчок массивного замка.

Оставшись один на один со старшим братом, Шуанчэн окончательно потерял остатки

смелости. Он обессилен и без сил опустился на колени.

— Брат... — тихо, умоляюще позвал он.

Е Чжэнь заложил руки за спину и устремил на него тяжёлый, испытующий взор. Его взгляд скользнул по узелку, который беглец так и не решился выпустить из рук. Было видно, что младший брат напуган до предела: он судорожно вцепился пальцами в края собственной одежды. Тёмно-синяя лента на лбу оттеняла бледность его утончённого, почти девичьего лица. Несколько прядей выбились из причёски и сиротливо свисали вдоль щёк, а на лице застыла маска глубокого раскаяния — сейчас в этом испуганном юноше невозможно было узнать того отчаянного драчуна, что устроил потасовку в весёлом квартале.

Е Чжэнь прекрасно чувствовал исходящий от него запах перегара. Желая проучить непутёвого брата, он демонстративно проигнорировал его жалкий вид и направился к дверям своей рабочей обители в восточном крыле.

— С места не сходить. На коленях, — бросил он через плечо и скрылся в доме, даже не обернувшись.

Огромный двор мгновенно опустел. Шуанчэн остался совсем один под холодным светом далёких звёзд и бледной луны. Вид у него был по-настоящему сиротливый и жалкий.

На душе у него скребли кошки.

«Кто же знал, что обычный поход в весёлый квартал обернётся такой катастрофой? Да ещё этот братец умудрился поймать его с поличным! Ладно бы просто развлекался — с кем не бывает, дело молодое. Но надо же было вляпаться в драку прямо у него на глазах!

И вообще, разве драка — это преступление? Я ведь за слабого заступился, злодея покарал! За такие подвиги награждать надо, а меня как преступника на колени усадили...»

Но высказать всё это брату он так и не посмел.

Да ещё и мостовая в этом дворе, словно назло, была выложена колючим речным булыжником. Каждое мгновение давалось Шуанчэну с трудом: колени пронзила острая, сверлящая боль, словно под кожу забрались тысячи мелких муравьёв.

На дворе стояло душное лето, и ночной воздух так и кишел голодной мошкаррой. Кожа у изнеженного барчука была тонкая, мягкая — сущая находка для местных комаров. Спустя полчаса по его лбу потек пот, шёлковое нижнее платье неприятно липло к телу. В груди нарастала глухая тревога, в горле пересохло так, что трудно было дышать. А Е Чжэнь, словно издеваясь, даже не думал выходить, заставляя его томиться в неведении.

<http://bllate.org/book/18190/1747976>